А. В. Никитина
(Санкт-Петербург)

«Добыть кукующих слез…» (К вопросу о культурных соответствиях)

A. V. Nikitina
(Saint Petersburg)

“Quest for cuckooing teardrops…”: The issue of intercultural compatibilities

Аннотация
Статья посвящена проблеме соответствий верований и форм их бытования в разных славянских традициях. Рассматривается материал восточно- и южнославянских представлений о кукушкиных слезах; задействованы разные жанровые формы. Сделаны следующие выводы: во-первых, при очевидных различиях в понимании того, что собой представляют кукушкины слезы, можно считать, что они фигурируют в определенном наборе общих контекстов; во-вторых, у восточных и южных славян означенные представления функционируют по-разному: для восточнославянской традиции (русской и белорусской) характерны жанры эпической прозы — этиологический рассказ или бытовой мифологический; для южнославянской — предания, лироэпические формы, бытовые верования, гадания.
Ключевые слова: *кукушкины слезы, кукованье, плач, кольцо, весенняя зелень, березовая ветка, этиологические легенды, предания, сказки*

Abstract
Correspondences between beliefs and the forms of their occurrence in different Slavic traditions are addressed based on materials related to Eastern Slavic and Southern Slavic ideas about “cuckoo teardrops” represented by different verbal folklore genres. The following conclusions are suggested: first, although the ideas about what are “cuckoo teardrops” are clearly different in Russian and Serbian folklore, they are manifested in a certain set of common contexts; second, the above ideas are manifested differentially by Eastern and Southern Slavs: the eastern (Russian and Belorussian) tradition prefers epic prose, such as etiologic narratives or mythological genre stories, whereas the southern tradition prefers lyrical epics, domestic (household) beliefs, and divination.
Keywords: *cuckoo teardrops, cuckoo call, cry, weeping, wedding ring, spring green, birch branch, etiologic legends, lore, tales*
DOI: 10.31860/0136-7447-2018-36-476-497

В сборнике Воронежских сказок А. Н. Корольковой[1] есть сказка «Птица-орлица» на сюжет ‘о красавице жене’ — СУС 465 (‘пойди туда, не знаю куда’).

[1] Речь идет о сборнике: Русские народные сказки, рассказанные воронежской сказочницей А. Н. Корольковой / Сост. и отв. ред. Э. В. Померанцева. М., 1969. Вошедшие в сборник тексты относятся к одному времени записи — к экспедиции 1957 г., многие из них, включая сказку «Птица-орлица», записаны самой Э. В. Померанцевой.

У А. Н. Корольковой на этот сюжет имеется несколько вариантов, и «Птица-орлица» далеко не лучший, но в эту сказку оказался введен оригинальный, интересный эпизод, о котором и пойдет речь далее (см. *Приложение*).

Обязательным и, по сути, ключевым элементом сюжета 'о красавице жене' является мотив трудновыполнимых задач. Сказочная атрибутика — величина переменная, сказочник, как известно, волен и в выборе атрибутики, и в форме ее подачи, однако, в данном случае, выбор представляется неожиданным: череду трудных поручений для героя открывает требование «добыть кукующих слез» (разумеется, речь здесь идет о *слезах кукушкиных*, но это не ошибка, такова корольковская интерпретация именования).

Ни кукушку, ни ее слезы нельзя считать традиционными для сказки, исключение здесь составляют принявшие сказочную форму этиологические легенды или рассказы, в которых происхождение кукушки и объяснение причин ее плача являются сюжетообразующими. Таких не много, условно можно обозначить три типа: первый — сказки–вариации известного сюжета «муж-уж» (СУС 425 М)[2]; второй — сказки о превращении в кукушку матери, обиженной детьми и оставившей их[3]; третий тип — сказки о наказании превращением в кукушку

Анна Николаевна Королькова, уроженка Воронежской губ. (с. Старая Тойда), сказочница с богатым разнообразным репертуаром (от нее записано около 140 сказок), творчество которой отмечено узнаваемым индивидуальным стилем. В 1957 году А. Н. Королькова была принята в Союз писателей Советского Союза.

[2] Бытование данного сюжета у славян дает интересную картину: у южных, включая лужичан, таковое отмечено в виде песни; у русских, белорусов и поляков — в виде сказки; что, по мнению Ю. И. Смирнова, указывает на процесс трансформации лироэпических форм в прозу как на один из путей отмирания эпической традиции. У русских и белорусов на этот сюжет есть легенды и предания давней и не очень давней фиксации, см., например, легенду «Про раков», зап. в 1908 г. (*Зеленин Д. К.* Великорусские сказки Вятской губ. Пг., 1915); материалы Л. М. Ивлевой (Представления восточных славян о нечистой силе и контактах с ней. Материалы полевой и архивной коллекции Л. М. Ивлевой. СПб., 2004. С. 72 (№ 81, Брян. обл.), 80, 81 (№ 152, 159, Гомел. обл., зап. 1982 г.), 111–112 (№ 15, Рязан. обл., зап. 1987 г.)); или Ю. И. Смирнова (*Смирнов Ю. И.* Эпика Полесья (по записям 1976 г.) // Славянский и балканский фольклор. М., 1984. С. 208–209; *Смирнов Ю. И.* Эпика Полесья (по зап. 1977 г.) // СБФ. М., 1986. С. 248–249). По русским сказочным сборникам, в разделе волшебных сказок: «Озерный жук-жених» (Сказки Терского берега Белого моря / Изд. подгот. Д. М. Балашов. Л., 1970 (№ 42)); «Черный уж» (Сказки Ленских берегов / Сост. Е. Шастина. Иркутск, 1971. С. 114 (№ 2)); «Муж-гад» (Традиционный фольклор Новгородской области. По записям 1963–1999 гг. / Изд. подгот. М. Н. Власова, В. И. Жекулина. СПб., 2001. С. 80 (№ 43)).

[3] Вывешенная в Интернете сказка (в вариантах) о происхождении кукушки и ее слезах (без паспортизации) является, судя по всему, перепевом известной ненецкой сказки о жестоких детях, не подавших напиться больной матери. Ненецкий источник представляется более безыскусным и потому в эмоциональном плане более сильным; кроме того, в самом превращении женщины в птицу от обиды и горя задействован весьма архаичный элемент: в ход идет то, что маркирует женскую домашнюю работу (нитки, наперсток и ножницы, хлебная лопата и т. д.). В интернет-вариантах это оказывается смазанным, нечетким и не привлекает внимания

за недостойное поведение (за грехи)[4]. Сказки, в которых бы просто фигурировала кукушка, редки[5], но еще бóльшей редкостью надо признать сказочный мотив, где бы разрабатывалась отдельно взятая характеристика кукушки[6], связываемое с ней верование или явление, такое, например, как *кукушкины слезы*.

Славянские представления о *кукушкиных слезах* не настолько распространены и разнообразны[7], как это может показаться. До недавнего времени они фиксировались локально в восточно- и южнославянской традициях, в тех местах, где был принят образ кукушки плачущей, и где ее кукованье символизировало горе, одиночество и несчастливую судьбу. Если указывать конкретнее, то:

(https://yandex.ru/images/search?text=кукушкины слезки сказка&noreask=1&lr=2; вариант ненецкой сказки: zooclub.ru/skazki/narodov-rossii/kukushka.shtml). На детской странице вывешен также русскоязычный текст болгарской сказки «о непослушных детях», который представляет собой адаптацию адаптации, т. к. первоисточником, скорее всего, надо считать русскую сказку: www.pll.lt/component/k2/item/627-kukushkiny-slezy (указанный автор — Админ.) (дата обращения: 20.05. 2017).

[4] Христианизированный тип, близкий к легендам о божьем наказании, для восточных славян является достаточно редким, пример — сказка «Злая девка», см.: *Карнаухова И. П.* Сказки и предания Северного края. М.; Л., 1932 (2006) (№ 117, Пинега); для западных и южных славян, напротив, этот тип наиболее распространен, см., например: Súpis slovenských rosprávok (collection de contes slovaques populares) / napisal dr. Jiři Polivka. Sv. IV. Část II. Legendy a legendárné rozprávky. Martin, 1930; при этом тип с мифологической основой и сербам и болгарам также известен.

[5] Таких сказок, если опять же обозначать условные типы, можно представить два типа: первый — сказки, в которых кукушка замещает любую другую птицу, чьи характеристики включают вестничество и вещеванье (например, «Безручка» из сб. А. И. Никифорова; «Кукушка-помощница» из сб. И. В. Карнауховой (с.-рус.); [Звериное молоко] из сб. А. П. Разумовой (рус. сказки Карел. Поморья)); или же речь идет об оборотничестве и орнитоморфном облике души (например, вариант «Царевны-лягушки»: после сожжения лягушачьей шкурки царевна оборачивается кукушкой и вылетает в окно (Фольклорные сокровища Московской земли: Сказки и несказочная проза / Отв. ред. В. М. Гацак. М., 1998 (№ 37)); вообще же сказок этого типа не много. Второй тип, еще более редкий, — сказки, происходящие от старых книжных, в т. ч. переводных источников, например, «Ворона-карабута», идущая от повести «О неправом суде птиц» (*Зеленин Д. К.* Великорусские сказки Пермской губернии. СПб., 1997 (№ 89, зап. 1863 г.).

[6] В качестве примеров работы мотивов можно привести: а) обыгрывание представления о куковании как плаче (кукушка-плачея), см. сказку «Про горошину»: «... [Убилась старуха, когда лезла со стариком по проросшей горошине наверх. Нужна плакальщица, в поисках таковой старик встречает волка, собаку и... кукушку:] — “А как ты плачешь?” — “Ку-ку”. — “Не надо...”» (Русские народные сказки Карельского Поморья / Сост. А. П. Разумова, Т. И. Сенькина. Петрозаводск, 1974 (№ 52); б) обыгрывание представления о том, что кукушка гнезда не вьет: «Жил-был старик с мужом. И вот этот старик поехал об Афанасьевом дни в гости со старухой. Сели рядом, стали говорить ладом. Ехали-поехали, по ногам дорогой... Видят в бору сосна, на сосне виловатой — кокушечё-горюшечё гнездо...» (*Зеленин* 1915: № 71, Вят. губ., зачин-«небывальщина») и т. д.

[7] Вновь подчеркну: речь идет не о многочисленных легендах и рассказах о происхождении кукушки, но о проливаемых ею слезах; хотя часть этиологических рассказов, разумеется, такую информацию дает.

— по южным славянам интерес, в первую очередь, представляют данные сербской и болгарской традиций, при этом ракурс болгарских верований несколько иной: они вполне соотносятся с сербским материалом, но не с восточнославянским;

— у восточных славян на первый план выходит материал белорусский и русский (в последнем особенно привлекают данные севера и северо-запада, по центральному и южному регионам, насколько можно судить, данные сильно купированы). Украинские поверья в большей мере соответствуют литовским и польским, имеющим, в свою очередь, соответствия с некоторыми элементами южнославянских верований.

Подавляющее большинство славянских этиологических легенд или рассказов о кукушке говорит о превращении в нее в результате проклятья девушки или женщины (сестры, дочери, матери, жены — семейно-родственный фактор здесь важен). Для южных славян причиной превращения обычно является безвременная смерть близкого родича и безутешное сверх всякой меры его оплакивание[8], которое также приводит к проклятью. Обобщенный вариант сербских представлений о происхождении кукушки находим у В. С. Караджича: «*Србљи приповиједају... да је кукавица била жена и имала брата, па јој брат умро и она за њим тако много тужила и кукала, док се није претворила у тицу (једни кажу да се брату досадило њено кукање, па је он проклео те се претворила у тицу, а једни опет кажу да се Бог на њу расрдио што је тако много тужила за братом, кога је он био узео, па је претворио у кукавицу да кука до вијека), зато свака српкиња којој је брат умро и данас плаче кад чује кукавицу гдје плаче*» (У сербов рассказывают..., что кукушка была женщиной, и был у нее брат, который умер, и она так сильно по нему горевала и плакала, что превратилась в птицу (одни

[8] Чрезмерность оплакивания приводит к наказанию, поскольку считается тяжким грехом по отношению к душам умерших. Этот мотив хорошо известен и южным, и восточным славянам (см. тексты быличек), однако с этиологией кукушки он связывается, главным образом, у южных. Пример — сербское предание о матери, которая, безутешно оплакивая сына, заливает слезами две из трех райских свечей, за что сын проклинает мать, и она превращается в кукушку: «*он јој дође <на сну> па каже: Ала, мајко, рашта ми и трећу свијећу утрну? Нигдје места не имала, него увијек прелијетала од гране до гране и кукала да Бог дâ! И како он то рече, одмах се она створи у кукавицу и одлети...*» (он пришел к ней [во сне] и говорит: Ты что же, мать, решила мне и третью свечу погасить? Так дай же тебе Бог нигде места не находить, вечно с ветки на ветку перелетать и куковать [т. е. плакать]! И как только он это проговорил, она вмиг превратилась в кукушку и улетела...) (*Ђорђевић Т. Р.* Природа у у веровању и предању нашего народа. Књ. 2. Београд, 1958. С. 6, южнее Карловаца); аналог — песенный текст «Дмитар»: «[Убито 500 юнаков, наполнились 500 могил; плачут-рыдают матери, но мать Дмитра горюет сильнее всех, она даже заснула в субботний вечер на кладбище] «На с'не Дмитар дошол; / Проклета да је мајката, / Која си мајка плакала, / Та мртви души грешила! / Аз си бех, мамо, во рај божај / Ти много плака, преплаква, / Та м' испадиха от раја...» (Во сне к ней Дмитр явился; / Проклята будь та мать, что плакала, / На души мертвых грешила! / Я был, мама, в раю божьем, / Ты так сильно плакала, / Что меня изгнали из рая...) (*Миладиновци* бр. Македонски песни. Зборник. Скопје, 1962. С. 238–239).

говорят, что брату досадило ее кукованье, и он проклял ее, чтобы превратилась в птицу; другие же говорят, что Бог на нее рассердился за то, что так сильно по брату горевала, когда он его прибрал, и превратил ее в кукушку, чтобы горевала вечно); потому всякая потерявшая брата сербка и сегодня плачет, когда слышит, как где-то кукует кукушка)[9].

Таким образом, у сербов и, если судить по плачевой традиции, у македонцев, кукующая кукушка максимально сближается с плачеей, исполняющей ритуальный плач по умершему или погибшему (что подтверждается текстами тужбалиц, т.е. ритуальных плачей). Однако в традиционном сознании ритуальный плач и плач физический (с проливанием слез), как правило, четко разделяются[10]. Полагаю, что с этим и следует связывать тот факт, что мотив кукующей = плачущей кукушки, оставляющей повсюду следы слез, в южнославянских этиологических рассказах практически отсутствует. В бытовых верованиях картина складывается иная, и хотя название *кукавичије сузе* (серб.) имеет в данном случае прямое значение, акценты и связи здесь другие.

Русские поверья дают несколько объяснений того, почему кукушка плачет, и что следует понимать под кукушкиными слезами. Как правило, в первую очередь возникают ассоциации с уже упоминавшейся легендой-сказкой о матери, превратившейся в кукушку и плачущей по своим брошенным детям — где падают ее слезы, там вырастают цветы *кукушкины слезки*. А также с южнорусским обрядом «крещения и похорон кукушки», в котором растение с таким названием может являться главным обрядовым атрибутом и замещать саму кукушку; при подобном замещении происходит и смена именования — обрядовый атрибут именуется *кукушкой*, даже если это *венок*, сплетенный из кукушкиных слез, перевязанный красной лентой[11]. Однако, в связи с этим, напомню, что ни Воро-

---

[9] Цит. по: *Ђорђевић* 2 1958: 4. В материалах В.С. Караджича встречается упоминание о запрете говорить, что кукушка «кукует», она только «поёт»; несоблюдение запрета чревато смертью родителей (ср. с в.-слав. поверьем, что при определенных обстоятельствах кукушка может «выкуковывать» человека, т.е. не просто предсказывать, но приносить смерть; и с болг. — что кукушка, кукуя, ищет чью-то душу).

[10] Как показывают исследования, ритуальный плач не только служил законным средством выражения горя, печали и тоски, его функции были шире: он играл важную роль в обеспечении умершему должного места и статуса в мире «ином». С завершением обрядовых действий его актуальность не снималась, поскольку именно плач воспринимался как традиционное средство регулирования отношений живых с умершими (наравне с принятыми в христианстве литургией, молитвой и милостыней) и как единственно возможный законный способ общения с «иным» миром. При этом существовала жесткая регламентация времени исполнения ритуальных плачей (никогда вне ритуала), ритуального поведения плачеи (например, запрет на определенные слова, жесты, позиции и т.д.), включая запрет на оплакивание «со слезой» (особенно это относится к матерям), а также запрет на слишком сильное горевание.

[11] См.: *Никитина А.В.* Зачем крестить кукушку?.. К типологии обрядового атрибута // Русский фольклор. РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). Т. 34. СПб., 2011. С. 179; 183.

нежская губерния, ни область официально в ареал обряда «крещения и похорон кукушки»[12] не входила. Кроме того, очевидно, что в эпизоде А. Н. Корольковой речь не идет об известном фитониме[13] (хотя коннотации здесь уместны), речь идет о настоящих слезах кукушки — следах[14], остающихся на месте кукования, причем в особой форме — кольцом вокруг ветки. Но опубликованных фиксаций, дающих хоть какое-то подтверждение существования у русских такого представления, найти не удалось[15].

В неопубликованных материалах В. А. Кравчинской (экспедиция в Лужский р-н, 1947 г.) есть запись бытового рассказа Лариона Леонтьевича Леонтьева 76 лет, которая озаглавлена (судя по всему, самой собирательницей) «Кукушкины слёзы»:

---

[12] В ареал южнорусского обряда «крещения и похорон кукушки» традиционно входят Калужская, Орловская, Тульская, Курская, Брянская и Белгородская губ./обл. (Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 2. М., 1999. С. 672–674).

[13] Известность условная, так как существует ряд растений, которые указываются под этим названием; в пятерку первой очереди входят: ятрышник пятнистый (*Orchis maculata* L.), трясунка средняя (*Brisa medica*), горицвет кукушкин (*Lychnis flos cuculi* L.), ирис сибирский (*Iris siberica*), смолёвка зеленоцветковая (*Silene Chlorantha*). В большинстве случаев растение получало название «кукушкины слезки» благодаря полной или частичной рябости (пятна, крапины на листьях или цветках) — «потому что она [трава] такая же рябая, как кукушка» (*Соколова В. К.* Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов XIX — начала XX в. М., 1979. С. 200); или же благодаря форме соцветий или семян, напоминающей слезинки, повисшие на тонких стебельках.

[14] *Кукушкины слезы/слезки* (в-слав.), *кукувиче*, *кукавичије* или *кукавичине сузе* (ю.-слав.) — наиболее употребляемый вариант названия этих следов. Возможны также названия другие, отвечающие локальным представлениям о данном явлении, что подчеркивает неоднородность рассматриваемых верований. В этой связи можно также упомянуть известные на Русском Севере «красные пятна», «пупырышки» на листьях березы, которые тоже считались следами кукушкиных слез: «На берёзе, на берёзовых листочках, где она, видно, кукует, дак тут и такие пятна красные» (см.: *Мороз А. Б.* «Боговы слезы» и «кукушкины слезки» // Живая Старина. № 1. 1997. С. 33, Каргопол.; ср.: «[Накануне Троицкой субботы ставили под окна березки “для родителей”, призывали: “Прилятите серенькым кукушичкым, Сядьте на беленьки берёзыньки”]. В окно вывешивали полотенце — “родители будут утираться”. Поутру примечают — полотенце мокрое, а на березке остаются красные пятна — это “кукушкины слезы”» (*Лобкова Г.* Древности Псковской земли. Жатвенная обрядность: образы, ритуалы, художественная система. СПб., 2000. С. 36, Плюс. р-н). Что касается самих красных «пятен» или «пупырышков», речь в данном случае идет о заболевании, грибке, поражающем зелень березы; отмечено двойственное отношение к веткам с такими следами: с одной стороны, их могли ломать и класть в Троицу на божницу, с другой — существовал запрет «ломать ветки берез с кукушкиными слезами» (*Мороз А. Б.*, «Боговы слезы» и «кукушкины слезки». С. 33).

[15] Единственным и скорее упоминанием, чем полноценным изложением поверья, является краткая запись в «Поэтических воззрениях...» А. Н. Афанасьева: «На Руси верят, что когда эта птица кукует, то из глаз ея капают на древесную ветку слезы... <...> называемые... у нас кукушкины слезки» (*Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу. В 3 т. Т. 3. М., 1994. С. 226; со сн. на: Deutsche Mithologie. S. 646. — Маннгардт (?)).

«Давно это было. Еще молодым парнем я был. Вот как-то мы раз пахали — туда к Нелаям. И вот прилетела кукушка, рядом окол нас села на березку и кукуе.

И вот старик рядом пахал со мной, Федор Киселев, знаешь, говорит:

— Ларивон, — вот пойдем сечас кукушку сгоним и посмотрим.

А я говорю — Что смотреть-то? Сгонишь — она и улётит, и всё!

— Нет, пойдем посмотрим: она кукует и плачет.

И вот мы пришли с пашны к етой березки, согнали кукушку, спорхнула она — и на листышках видим — капли слёз. Да! Капли на листышках, на которой ветке она сидела, а кругом все листья сухие. Значит, не роса, а *слёзы кукушкины* это были. Я сам, своима глазама видал.

И вот все говоря, что кукушка — збранёная, что, може, раньше была человеком и прóклятая у отца с матерью. Недаром и кукуе так, точно плаче!»[16].

Ниже со слов жены Леонтьева, Леонтьевой Е. С., сделана приписка:

«Вот про кукушку я еще знаю и скажу, что раньше она была женщина, замужем была за ужом, а мать ейная убила етова ужа, а дочка не захотела остатца с матерью, превратилась в кукушку и улетела, а своих детушек обратила в пташек: сыночка в соловья, а дочку в малиновку».

Запись достаточно полно передает распространенную версию русского (а с некоторыми оговорками, наверное, и шире — восточнославянского) верования о кукушкиных слезах, представлены все его основные элементы:

— кукушка кукует — плачет совсем по-человечьи, так как произошла из женщины, причем женщины несчастной, и плачет она «недаром» (общеизвестность этого рассказчиком подчеркивается — «все говоря»);

— причиной появления кукушки и ее гореванья является проклятье (в данной конкретной (мужской) версии — абстрактное родительское; однако наиболее часто указывается проклятье материнское и, как правило, о таковом говорит женская версия; возможны также: а) проклятье мужа (отца или брата), б) равное проклятью заклятье колдуна и в) самопроклятье с одновременным проклятием детей)[17].

---

[16] Автор благодарит Рукописный отдел ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН за предоставленную возможность опубликовать данный архивный материал из фонда: Полевые записи В. А. Кравчинской. Колл. 118, папка 5, № 12. Зап. 03.05.1947 г., колхоз Заклинье Лужского р-на (в наст. вр. — юг Ленинградской области). Добавление Е. С. Леонтьевой находится на том же листе и представляет собой краткий пересказ известного русским и белорусам предания о происхождении кукушки (сюжет «муж-уж»).

[17] Вариант, по которому женщина становится кукушкой в результате проклятья мужа — единичный (Сказки Ленских берегов. С. 114 (№ 2), Лен. б.; причем, проклятье здесь распространяется на всех, а виновницей является малолетняя дочь); вариант, по которому колдун заклятьем превращает невесту в кукушку, дает белорусская традиция (см.: *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения... С. 551); вариант, когда женщина проклинает себя вместе с детьми — наиболее распространенный (см. сн. 2).

Характерное для южнославянской традиции проклятье объекта высшими силами или исполнение ими желания/просьбы самого объекта (вариант: пожелания близких в его адрес) встречается у восточных славян намного реже.

Разумеется, нельзя не отметить личностное эмоциональное подкрепление рассказчиком достоверности того, что слезы кукушки настоящие: возглас «да!», слова «я сам, своима глазама...» и характерный для данной жанровой формы экивок на знающих людей («старик... Федор Киселев, знаешь...»), которые могут предъявить доказательства — рассказчик лично удостоверился («своима глазама видал»).

Приведенный рассказ весь нацелен на подтверждение представлений о реальности слез кукушки — «Капли на листышках, на которой ветке она сидела, а кругом все листья сухие. Значит, не роса, а *слёзы кукушкины* это были...», но в нем ничто не указывает на возможность кукушкиных слез принимать кольцеобразную форму, соотносящуюся с брачной идеей рассматриваемого эпизода: кольцо слез вокруг ветки — аналог кольцу обручальному («царю колечко на руку, чтоб он венчаться стал»).

Как уже было отмечено, отыскать соответствующие поверья о кукушкиных слезах или хотя бы упоминания близких к тому форм в русском материале (да и в белорусском тоже) не удалось, и, полагаю, вполне допустимо предположить их отсутствие по восточнославянскому материалу в целом[18].

Но если в восточнославянском фольклоре ничего подобного не встретилось, то у южных славян, в частности у сербов, находим: «*Где је кукање ту су и сузе. Отуда наш народ зна за кукавичје или кукавичине сузе. "Када кукавица пјева сузе јој, кажу, падају на гранчицу". То су ситна сребрнаста јаја од некаквог лептира, коју их поређа у виду прстена око гранчице...*» (Где кукованье, там и слёзы. Оттуда нашему народу и известно о кукушкиных или кукушечьих слезах. "Когда кукушка кукует слёзы ее, говорят, падают на ветку". Это мелкие серебристые яйца какого-то мотылька, который откладывает их в виде кольца вокруг ветки...)[19].

---

[18] В украинских верованиях говорится, что кукушка кукует — «намысто кует»: она «выплевывает» бусины или монетки и «нижет» их на ветку в монисто (ожерелье), кто его найдет — будет очень счастлив (Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край, снаряж. ИРГО / Собр. П. П. Чубинский. Т. 1–7. СПб., 1872–1878. Т. 1. С. 61; аналоги: а) в эпосе «Калевипоэг», где кукушку называют «птицей золотой, серебряной и медноязычной», потому что: «она кует золото, серебро из-под зубов (!), сверху языка пфенниги, с середины языка шиллинги...» (*Клингер В.* Животные в античном и современном суеверии. Киев, 1911. 1911: 84); б) представление о нанизывании слезок на травинку (серб.); в) кукуя, кукушка «выплевывает» яйца (пол.)); откуда и вторичные мотивы поиска кладов под кукование (укр.) и бренчанья денежками, чтобы не переводились в течение года (укр., бел., пол.).

[19] *Ђорђевић Т. Р.* Природа у веровању и предању нашега народа. Књ. 2. С. 12; локальный вариант: «*У Босни и Херцеговини кажу: "кад кукавица кука, њој све падају сузе на траву, и како падају онако се и нижу на каквој травки...*"» (В Боснии и Герцеговине говорят, что когда кукушка кукует, ее слезы падают на траву и, падая, нанизываются на какую-нибудь травинку...) (там же).

Приведенный фрагмент сербского верования[20] очевидно соотносится в главном с тем представлением, на котором выстроен эпизод у А. Н. Корольковой: когда кукушка кукует — она плачет, и ее слезы падают на ветку и «вокруг ветки “образуется” кольцо из слез».

Если оставить на время прозаичную информацию о том, что кукушкины слезы — вовсе не слезы кукушки, а кладка какого-то мотылька[21], и продолжить текст сербского верования, становится оправданным интерес к кукушкиным слезам, т. к. объясняется их целевое назначение: «*Кукавичје сузе се употребљавају у народним мађичким радњама. “Ако дијете хвата грозница треба да се кроз кукавичју сузу напије воде. Кад цуре нађи кукавичје сузе метну их на рибљу кост и начине укошњак (Haarnadel) да коса боље расте. Кукавичину сузу добро је носити око врата као лијек од грознице”* (Кукушкины слезы используются в народной медицине. Если у ребенка лихорадка, нужно напоить его через кукушкину слезу. Если девушка найдет кукушкины слезы, соберет их на рыбью кость и заткнет в волосы, как шпильку, волосы будут лучше расти. Кукушкины слезы хорошо носить на шее [в виде ладанки?] как средство против лихорадки).

В локальном (босн. и герц.) варианте верования о них и вовсе говорится как о панацее: «*Да се могу наћи оне би биле лијек од сваке болести, а особито би биле добре за заварчивање*» (Если удастся найти — будет лекарством от любой болезни, особенно действенны [*кукушкины слезы*] против (наговоров) заклятий)[22] (Ђорђевић 2 1958: 12).

---

[20] Временно́е соотношение публикаций не предполагает обмен информацией или заимствование в ту или другую сторону: сборник Э. В. Померанцевой вышел в 1969 г., сама запись сказки от А. Н. Корольковой была сделана в августе 1957 г., публикация работы Т. Р. Джорджевича — 1958 г.

[21] Соотнесенность можно было бы отметить и здесь: именно по воронежскому говору для словосочетания *кукушкины слезы* даны значения ‘куколки бабочки пяденицы зимней’ и ‘яйца бабочки шелкопряда кольчатого’ (Словарь русских народных говоров. Вып. 16. С. 47; ср. с уже цитировавшейся репликой из «Поэтических воззрений...» А. Н. Афанасьева: «На Руси верят, что когда эта птица кукует, то из глаз ея капают на древесную ветку слезы; за эти слезы принимают яички насекомых, облипающие древесную ветку и называемые у немцев — kukuks-speichel (*кукушечья слюнка. — А. Н.*), у сербов кукавичја суза, у нас кукушкины слезки» (*Афанасьев* А. Н. Поэтические воззрения... С. 226).

[22] Возможно, на представление о действенности кукушкиных слез против магических приемов накладывается особое отношение к слезам как таковым. В народном сознании слезы наделяются двойственной силой: с одной стороны, они способны защищать и очищать («[слезы] прочищают недобрые очи и отнимают у них силу» (Славянские Древности. Т. 5 (2012). С. 42–46 (рус., от сглаза)); в лечебных заговорах плач со слезой является средством установления контакта с иным миром и получения оттуда помощи («Вришти, пишти,/ Диже гласи до небо,/ Пушта сузу до земљю...» (серб., там же)); в русских сказках слезы уподобляются живой воде — могут пробудить спящего мертвым сном, воскресить (у сербов говорится, что слезы жгут, у русских — то же (горючие/жгучие слезы)). С другой стороны, слезы могут действовать уничтожающе, например, в одном полесском предании рассказывается о том, как мать, у которой утонул сын, проклинает реку, и слезы ее, наряду с произносимой формулой

Болгарские верования в отношении целительных свойств кукушкиных слез вторят сербским, правда, *кукувиче* признается у них не слезами, а слюной, плевками кукушки: «*Вярата народна утвърждава, че кукувицата има плюнка; тая плюнка се вижда по дърветата и се казва кукувиче; тя е един род гъби. Тая кукувича плюнка е лековита; берат я и употребяват за цер*» (Народное верование утверждает, что у кукушки есть слюнка; эту слюнку можно видеть на деревьях и называют ее кукувиче; это разновидность грибка. Эта кукушечья слюнка целебна; ее собирают и употребляют как лекарственное средство)[23].

В эпическом фольклоре южных славян, болгар в частности, встречается мотив кукушки, ухаживающей, подобно сестре милосердия, за израненным юнаком, например: «*Задала се кукувица / С клюна куршум вади, / От криле си превръз дере, / От нозе си конци вие, / От уста си мехлем плюе...*» (<Тут> явилась кукушка: / Клювом пулю извлекает, / С крыльев корпию щипает, / Ножками бинты свивает, / Изо рта бальзам изрыгает...)[24]. Целебный бальзам изо рта... — это и есть *кукувича плюнка*.

Из сказанного очевидно: добывание кукушкиных слез (или кукушкиной слюнки) обуславливается у южных славян желанием обрести уникальное лекарственное средство. В восточнославянской традиции об универсальных лечебных свойствах кукушкиных слез знали и ценили их не менее высоко (если судить по записям в старинных травниках, один только ятрышник — истинная панацея[25]), но речь в этом случае идет исключительно о лекарственных травах с таким названием (*кукушкины слезки* здесь — только фитоним).

Но вернемся к сказочному эпизоду, поскольку в сказке цели и средства их достижения более важны, нежели в предании, песне или при простом изложении

проклятья, становятся его предметным элементом — «[она] ...подошла до самой воды, села на колени, перекрестила ее и давай проклинать <...> И стала сильно плакать, и нагнулась, чтобы слёзы капали в воду. И сказала: “Вот, на, тобе мое слезы, щоб ты вечно с ними жила, щоб вечно печальна была!”» (*Смирнов Ю.И.* Эпика Полесья. 1984. С. 210). О том же свидетельствуют тексты эпических (балладн.) песен, например: «...полечу, / сяду, ўпаду у мамкином саду, / *закую*, заплачу велми глосно. / <...> коли моё дитятушко, ходи ко мне ў двор, / а коли *сива зязюля* — шуги на луги! / Борами летела, боры оттопила, / лесами летела, лесы сушила» (*Романов Е.Р.* Белорусский сборник. Витебск, 1887. Вып. 5. С. 51–52 (№ 101, Могилев. губ.)).

[23] *Маринов Д.* Народна вяра и религиозни народни обичаи // СБНУ. Кн. 28. София, 1914. С. 99, с. Стакьовци, Алтимир.

[24] *Маринов Д.* Народна вяра и религиозни народни обичаи. С. 99, Панагюриште, Неврокопско.

[25] Согласно приведенным В.Б. Колосовой данным, ятрышники пятнистый и широколистный (*Orchis maculata* L. и *Orcis latifolia* L.) активно использовались в народной медицине: при головной боли и от поноса (Волог.), от болей в груди и женских болезней (б. м.), для лечения детской грыжи (Вят.), от «ногтоедов всех видов» (Вят.), как снотворное и как сердечное (Урал, Гродн.), при змеиных укусах (Киев., Вят., Перм., Олон., Тамб., Мин.), от лихорадки (Вят., Могилев.), от разных «выпадок», т.е. сыпи (б. м.) и бог знает, от чего еще (*Колосова В.Б.* Ятрышник // Антропологический форум (Исследования). № 6. СПб., 2007. С. 263–286).

верования. Цель добывания кукушкиных слез в рассматриваемом эпизоде — извести стрельца и взять его жену. А. Н. Королькова выстраивает структуру эпизода на единстве двух взаимосвязанных стержневых элементов — брак и смерть: под страхом смерти («мой меч — твоя голова с плеч!») стрелец должен добыть царю кольцо из кукушкиных слез, чтобы тот мог этим кольцом «венчаться» с женой стрельца, что для последнего равносильно смерти, так как жену свою он любит.

Мотив трудности добывания кукушкиных слез в эпизоде продублирован: он лежит, что называется на поверхности, так как преследуемая царем цель — «загубить» стрельца («нельзя же от живого мужа жену оторвать»), т. е. необходимо задать такую задачу, на которой тот голову сложит; и этот же мотив легко угадывается в подтексте: время действия — время активности кукушки, и, соответственно, вписывается в весенне-летний период, отмеченный большим числом девичьих/женских обрядов и ритуалов, исключавших не только участие мужчин, но само их присутствие. А. Н. Корольковой, судя по всему, это было хорошо известно; к такому выводу можно прийти, анализируя ситуацию проводов стрельца, где ключевая роль отводится его умнице красавице-жене:

— она знает, где и как найти искомое («Это не беда, а полбеды») — достает из своей рабочей шкатулки и вручает мужу путеводный клубочек, который «Она... толкнула ногой, он и покатился [*в нужную сторону. — А. Н.*]» (клубок доводит точно до места назначения, остановившись «не дойти пяти шагов до березы»);

— она подробно описывает мужу все, что ему доведется увидеть на месте («Где клубочек остановится, там будет дерево, а на этом дереве, на ветке (а на дереве ветка, она сухая), кукушка кукует и по ветке слезы скатываются...»);

— наконец, для того чтобы взять «кукующие слезы», она дает ему весьма специфическое средство — свою «*первоучену* нитку» («шила этой ниткой, когда начинала учиться рукодельничать») с указанием «зажать, никому не давать», и объясняет, как следует поступить («Ты этой ниточкой перевяжи ветку около кукующих слез»).

Привлечение такого женского атрибута в данном контексте, на первый взгляд, представляется неоправданным, равно как и неожиданный эффект его «работы» (нитка срезает ветку с кольцом слез — та катится «как отпиленная»). Первоучена нитка[26] — предмет сакральный, очень личный, его введение не может быть случайным, как не случайны комментарий сказочницы, вложенный в уста жены стрельца, и наказ «зажать [ниточку], никому не давать». Все указывает на то, что предстоящая задача — дело не мужское и, скорее всего, именно

[26] На самом деле, речь идет о первой нити, которую девочка сама *спряла*; с нее начиналось приобщение к женским работам, вхождение в женский мир и ее к нему адаптация, кроме того, первая нитка — очень личный предмет, который мог сохраняться всю жизнь и влиять на хозяйку и ее судьбу. В определенном смысле, с этой нитки начинался и путь от девочки к девушке «на выданье» — стартовая позиция к созданию и накапливанию приданого.

поэтому для мужчины опасное; сама же красавица-жена предстает как знающая, причем, знает она и в главенствующих женских работах (в прядении — ткачестве — шитье), и в женских обрядах и ритуалах. Подтверждает это и способ использования атрибута — обвязывание растения (обматывание, опоясывание, связывание в венок или арку и т.д.) традиционно применялось в разных ритуальных действиях этого периода, включая ритуалы, имеющие прямое отношение к кукующей кукушке. Правда, обвязывание, приводящее к «отпиливанию» ветки, выглядит несколько странным, но что бы ни попало на сказочную почву, оно работает по законам сказки. Действие и его результат признаются логичными, поскольку таким образом задача стрельца оказывается выполнена («Он взял ветку в руки и приносит царю»), но царская цель не достигнута: «Царь *надел кольцо, а оно как по руке сделано*, он рад, да ему не то нужно; у него колец всяких сколько хочешь, ему Марьюшку нужно...»

Ритуальное обвязывание в подобной ситуации имеет иную цель — недопущение десакрализации момента — кукованье не должно прерваться. Так, например, чтобы не вспугнуть кукушку, чтобы она не замолкла и не улетела, девушки в Ярославской губернии со всей осторожностью подбирались к дереву, на котором она куковала, и опоясывали его [красным] поясом[27]. Нечто похожее, и также указывающее на трудность сохранения магии кукования, можно найти и в сербских представлениях: *«Ако девојка на Ђурђев дан чује кукавицу да кука треба полако да се привуче до онога дрвета на коме кукавица стоји, по да одломи парче од њега... <...> Кажу да је врло тешко привући се дрвету, а да кукавица не примети и не одлети...»* (Когда девушка на Егорья слышит, как кукует кукушка, ей надо потихоньку подкрасться к дереву, на котором сидит кукушка, чтобы отломить кусочек коры... <...> Говорят, что очень трудно подкрасться к дереву так, чтобы кукушка не заметила и не улетела...)[28].

Не имея непосредственного отношения к кукушкиным слезам, этот пример, однако же, принадлежит к объемному блоку любовно-брачных гаданий и магических приемов, связываемых с кукушкой и ее кукованием.

Опущенный фрагмент текста содержит адресованную девушкам инструкцию, что следует делать, чтобы привлечь внимание противоположного пола: *«[девойка треба по да одломи парче] да га пробуши и да кроз рупу погледа кукавицу говорећи: кукавице, као што ти кукаш, тако да кукају за мном момци! То парче коре после треба да носи увек са собом и да кроза њ погледа момке које воли...»* ([девушке надо отломить кусочек коры], проделать в нем дырку и, глядя через отверстие на кукушку, говорить: «кукушка, как ты изнываешь, чтобы так

---

[27] *Левкиевская Е.Е.* Славянский оберег. Семантика и структура. М., 2002. С. 316.

[28] *Ђорђевић Т.Р. Природа у веровању...* С. 13, окр. Болеваца; возможен и христианизированный вариант: «У србији кажу: “ваља *се прикрести дрвету* на ком кукавица кука, откинути гранчицу и заденути у косу, наће коса добро расти или човек неће дремати”.» (*У сербов считается, что «нужно перекрестить дерево, на котором кукует кукушка, отломить веточку и вдеть/заткнуть в волосы — волосы будут лучше расти или человек будет бодр»*) (там же).

изнывали по мне парни!» Этот кусочек коры потом надо всегда носить с собой и поглядывать через дырочку в нем на приглянувшегося парня...)[29].

Сербскому приему любовной магии «с кукушкой» соответствует прием болгарский: «*Момите гледат, на кое клонче е стъпила кукувицата, когато кука, и след като хвръкне, мома отива, та откършва туй клонче и го носи с себе си; вярва се, че нейният любовник ще да я поиска скоро*» (Девушки примечают, на какой ветке сидела кукушка, когда куковала, и после того, как она упорхнет, девушка идет и отламывает ту веточку и носит ее при себе; считается, что ее любимый скоро к ней посватается)[30].

Среди болгарских гаданий на брак, связанных с кукованием кукушки, есть и такое: «*Момите, като чуят гласа на кукувицата, връзват възел на кърпата си*[31]*; тоя възел носят три дни и после го отвръзват и гледат, какво има в него. Ако има прашец или вълничка (влаканца), или друго нещо — момата ще се ожени през годината; нема ли нищо в него, ще я завари и на другата година кукувицата пак мома*» (Заслышав голос кукушки, девушки завязывают узел на своем платке; этот узел носят три дня и затем развязывают и смотрят, нет ли в нем чего. Если есть пылинка или шерстинка (волоконца), или что-нибудь еще — девушка в те-

---

[29] Там же.

[30] *Маринов Д.* Народна вяра и религиозни народни обичаи. С. 98, Панагюрище, Прилеп.

[31] Речь в данном случае, скорей всего, идет о традиционном для болгарок девичьем платке на голову (по сути, это вариант общеславянского девичьего венка/венца, так или иначе украшаемого цветами). Цветок или цветочная кисть («китка цвете»), заткнутые за его передний край сбоку (получается, и в волосы), говорят о том, что девушка невестится (ср. с сербским приемом привлечения любимого — веточка в волосах). Насколько помню, болгарский юноша мог заявить о своем намерении посвататься, прилюдно вынув и взяв себе «китку цвете». Можно продолжить отвлечение: в сборнике В. Ст. Караджича в песне «Мутан Дунав» [Мутный Дунай] (№ 669), Дунай так отвечает на вопрос, отчего он мутен: «*Већ девојке ђаволице, / Свако јутро долазећи, / Перунику тргајући, / И белећи своје лице*» ([Меня мутят] ...девки-дьяволицы,/ Ко мне ходят что ни утро, / Обрывают *перу́нику,* / Умывают белы лица...); а в балладе «Мајка отровница» (Мать-отравительница) (№ 417) цветы перуники собирает весь свадебный поезд: «*Текла вода Сава, / По њој перуника трава, / Крај ње јашу Павлови сватови. / Сви сватови беру перунику, / А не бере господине Павле, / Нег' он своју дочекује драгу...*» (Текла себе речка Сава, / Трава перу́ника слева и справа. / Едут берегом Павел со сватами. / А все сваты срывают перунику, / Только Павел — жених не срывает, / Ждет он любу свою дорогую...) (Српске народни песен. Скопио В. Ст. Караджич. Књ. 1.; перевод: Сербские народные песни из собрания В. С. Караджича/ Сост., предисл и примеч. Ю. И. Смиронва. М., 1987. С. 105; 88; далее: жених платит жизнью за то, что не рвал перунику, как все). В примечаниях указывается, что под названием «перуника» южные славяне понимают разные растения из (sic!) семейства орхидных — ирисы, ятрышники и т. д., а также то, что некоторые из них использовались в магии (у *восточных славян то же говорится о растениях кукушкины слезки. — А. Н.).* В примечании к еще одной песне (свадебной) «Травы от порчи» указывается, что среди средств «чтобы уберечь [молодых] от порчи... были и определенные травы. *Их втыкали в волосы* либо клали за пазуху» Так что, перуника использовалась в любовно-брачной магии и как средство привлечения противоположного пола, и как апотропей. Там же (1987). С. 450; 434.

чение года выйдет замуж; если ничего нет — кукушка и на следующий год застанет ее в девушках)[32].

Наконец, еще одно сербское гадание на брак, опять-таки связываемое с кукующей кукушкой, на этот раз универсальное, поскольку не важно, кто — парень или девушка — гадает: «*На коме се месту затечеш кад први пут у години чујеш кукавицу "ваља извадити мало земље испод десне ноге и метнути под главу, па ће ти на сан доћи суђеница којом ћеш се оженити или девојци суђеник за кога ће се удати"*» (На том месте, где тебя застанет первое в году кукование кукушки, надо взять из-под правой ноги немного земли и положить ее под голову [на ночь. — *А.Н.*], и тогда во сне увидишь суженую, на которой женишься, а девица — суженого, за кого будет выдана)[33].

Вывод по любовно-брачной магии южных славян, связываемой с кукушкой, напрашивается следующий: во-первых, многие гадания, равно как и обеспечивающие любовь и брак приемы, завязаны в большинстве случаев на весеннюю ритуальную атрибутику растительного происхождения, так или иначе соотносимую с кукушкой (дерево, кусочек коры, веточка/сучок и т.п.); во-вторых, примеры показывают, что внимание фокусируется не на том, с чем кукушка соприкасалась, — дереве или ветке, на которых она сидела, и где остались следы ее пребывания, и даже не на самих следах (кукушкиных слезах или слюнке) — а на ее куковании (на голосе), маркирующем пространство и время[34]. Крохи этого общеевропейского представления до сих пор сохраняются в еще не забытом вопросе: «Кукушка, кукушка, сколько лет мне [осталось] до свадьбы?..»[35].

Растительная атрибутика (обобщенно, майская зелень: свежая листва и молодые древесные побеги, и сами молодые деревца, цветы и травы) в любовно-брачной магии весенне-летнего периода была принята у славян повсеместно, на это указывает активнейшее использование молодой зелени в обрядах и ритуалах периода «зеленых святок» (болг., пол., укр., белор., рус.). Растения, проходящие у восточных славян под названием *кукушкины слезы*, это также подтверждают: большинство их, особенно ятрышник[36], народ знает не только как средства лекарственные с весьма широким спектром применения и как

---

[32] *Маринов Д.* Народна вяра и религиозни народни обичаи. С. 97, Охранийско, Панагюрище.

[33] *Ђорђевић Т.Р.* Природа... С. 12.

[34] «Кукушка ведает временем рождения, брака и смерти: девушки спрашивают у нее, скоро ли будут сосватаны и как долго проживут в браке; замужние женщины — сколько будет у них детей; заслышав впервые весенней порой кукушку, обращаются к ней с вопросом, сколько лет остается жить на белом свете» (*Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения... С. 294).

[35] Интересный штрих: в английских поверьях, связываемых с днем св. Валентина, среди птиц, признаваемых давним символом любви, кукушки нет.

[36] Прежде всего, имеются в виду *Orchis maculata* L. и *Orchis latifolia* L., известные в европейской части России, в Сибири, в Белоруссии и в лесостепных зонах Украины как кукушкины слезки.

действенные апотропеи, но, прежде всего, связывает их с магией любовной, а также с регуляцией деторождения.

Как уже говорилось, единство жизни и смерти четко просматривается в контексте корольковского сказочного эпизода добывания кукушкиных слез. Время действия в нем — время кукования кукушки, ведь кольцо из кукушечьих слез можно добыть только когда она кукует. Разумеется, поход стрельца может трактоваться, как поход в мир «иной», но в одном славянском заговоре встречается отсылание то ли болезни, то ли нечисти в иномирье, туда, где в числе прочего «кукушки не кукуют»; значит, и кукушкиных слез там нет. Время майской (или троицкой) зелени у славян, время «зеленых святок» (= «кукушки» (рус.)), пронизано брачными мотивами и мотивами контакта с «иным» миром, миром умерших предков, и не просто пронизано, мотивы теснейшим образом взаимно переплетены[37].

С одной стороны, майская зелень (у восточных славян, прежде всего, береза, аккумулировавшая живительную силу природы) должна была с помощью проводимых обрядов и ритуалов способствовать плодородию земли и человека. Так, чтобы обеспечить урожай, молодые березки или березовые ветки закидывали в рожь, их рубили и разбрасывали по полю, бросали в реку, ветви пригибали к земле, сплетали с травой, завивали в венки[38]; украшали ими, а также закармливали ими и поили с них скотину, их втыкали как апотропей в стены хлева. А чтобы обеспечить брак и здоровое потомство человека, устраивались троицкие гулянья — настоящие смотры невест, плелись венки[39], с зеленью связывались многочисленные гадания, приметы и приемы «на брак» (например: стоит девице посидеть в Семик в тени березки — непременно выйдет замуж)[40]. Если вернуться к фитониму *кукушкины слезки*, известно, что тот же ятрышник (*Orchis maculata*) применялся колдунами для привлечения любви, для возбу-

---

[37] Это прекрасно отражено в костромском присловье: «Родителей помянем, в сусек заглянем, да и за свадебку» (*Шаповалова Г. Г.* Майский цикл весенних обрядов // Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. Л., 1977. С. 105, Нейский р-н Костромской обл., где свадьбы традиционно играли в весенний мясоед, зап. 1973 г.).

[38] С аграрной магией плодородия был связан и старинный русский обычай «плакать <в Троицкую субботу> на цветы»: «В Подмосковье во время троицкой службы девушки старались уронить несколько слезинок на пучок мелких березовых веток», считалось, что это верное средство от засухи и, соответственно, от неурожая (Славянские древности. Т. 5 (2012). С. 42–46).

[39] Известно, что, например, у болгар кумление лазарок имело своей целью обеспечение плодородия и замужество; сюда же можно добавить ту же цель прохождения болгарских девушек и молодок под знаменитым «еньовским» венком в Спасов день (см.: *Маринов Д.* Народна вяра... С. 63, с. Белоград, Ломско, Кулско, Ихтиманско, Кызыл-Агачко и др.). У поляков вся обрядность «зеленых святок» была нацелена на будущий урожай, на благополучие скота и на вступление в брак.

[40] Цит. по: *Шаповалова Г. Г.* Майский цикл весенних обрядов. С. 109, Костром. обл.

ждения чьей-либо симпатии, а также как приворотное зелье в случае супружеской измены[41]. Пожалуй, стоит упомянуть и то, что корень другого ятрышника (*Orchis latifolia*), все тех же *кукушкиных слезок*, имеет весьма специфическую *кольцеобразную* форму[42].

С другой стороны, все еще жива на Русском Северо-Западе традиция на Троицу ставить под свои окна березки, принесенные непременно (!) со своего поля — «для родителей»: «Всё говорят, што вроде прилетает душинька, на берёзку сядит. Я вот всё ставлю, вот — сколька у меня-то умерши, я всим па берёзки ставлю...» (Псков. обл.)[43]. Обычай служит иллюстрацией представлений об орнитоморфном облике душ умерших и теснейшей связи кукушки с миром умерших предков — когда ставили березки, приголашивали: «Прилятите серенькым кукушичкым, / Сядьте на беленьки берёзыньки...»[44]. Представления о душе умершего, принимающей облик именно кукушки[45], также достаточно распространены: «Всё гаварили, што кукушка кукует — так всё покойник прилетает...»; «и вот — кукушка прилятит: “Ку-ку! Ку-ку!” — “Ой! — я гаварю, — эта мама прилетела!” Ну, и начинаишь, и начинаишь плакать»[46] (Псков. обл.); не менее яркий пример — обращение к покойному в плаче: «И прилятай-ка ты ко мне хоть серинькай кукушечкай...»[47] (Псков. обл.).

Кукушка предсказывает брак — по ее кукованью гадают о замужестве (о.-слав., фр., нем., англ.), известно немало связанных с нею примет, например: «кукование служит предвестником приезда сватов, а затем и скорой свадьбы»[48]; или: «Ноне кокушка у нас на дому коковала — не пришлось бы Натаху замуж отдавать»[49]. У белорусов (локально) на свадьбе исполнялась сватьями хороводная песня «Зязюлейка», по которой, как считалось, можно было предсказать судьбу молодых в браке[50] (белор.). В белорусских и украинских обрядовых песнях

---

[41] *Коновалова Н.И.* Словарь народных названий растений Урала. Екатеринбург, 2000. С. 115.

[42] *Кедрина Р.Е.* Обряд «крещения» и «похорон кукушки» в связи с народным кумовством // Этнографическое Обозрение. 1912. № 1–2. С. 102 (в сн. 3).

[43] *Лобкова Г.* Древности Псковской земли. С. 36.

[44] *Лобкова Г.* С. 37.

[45] У Е. Маевского в этой связи есть следующий пассаж: «U serbów i czarnogórców istnieje mniemanie ludowe, podobnież i na Litwie, ze dusze zmarlych przemieniają się w kukułki» (У сербов и черногорцев бытует народное предание, аналогичное литовскому, что души мертвых превращаются в кукушек) (*Majewski E.* Kukułka (Cuculus Canorus L.) w mowie, piesni i pojesiach ludu naszego // Wisła. T. 12. Z. 3. Warzsawa, 1898. С. 390, со сн. на О. Кольберга).

[46] *Лобкова Г.* С. 34.

[47] *Лобкова Г.* С. 35.

[48] *Самоделова Е.А.* Орнитологические символы в свадебном обряде и поэзии (на материале Рязанской обл.) // Сб. мевуз. научн. трудов «Поэзия и обряд». М., 1989. С. 100, со сн. на П. Шейна).

[49] *Гура А.В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997. С. 705, Ярослав. губ.

[50] *Чурко Ю.М.* Белорусский хореографический фольклор. Минск, 1990. С. 59, Брест. обл.

кукушка (зозуля) — частая метафора невесты, в связи с чем в памяти всплывают данные вост.-слав. по этиологии кукушки, согласно которым в кукушку обратилась (или была обращена) девушка-невеста: отказ выйти по родительскому выбору; смерть жениха; нежелание выходить замуж и т. д. И лишь одно, уже упоминавшееся предание о невесте, прямо на свадьбе обращенной колдуном в кукушку, говорит о превращении насильственном, против воли, остальные же подчеркивают главную характеристику кукушки — ее одиночество: «У кукушки, — как известно, — пары нет».

Время активности кукушки, ее кукования — май, у славян его называли: зелень (пол.), травный (др.-рус.), травень (укр., чеш., серб., хорв.) и т. п.; у поляков в некоторых ритуальных обращениях встречается именование кукушки «травной госпожичкой», «панночкой с зелени»; литовцы же прямо называют май месяцем кукушек (Majewski 1898: 406); *майская кукушка* — сочетание устойчивое, известное едва ли не всем европейцам. И во всем европейском фольклоре находятся отголоски представлений о мае как о самом неудачном месяце для брака, и объясняется это тем, что май — время мертвых, «месяц мертвецов». У Н. Ф. Сумцова есть запись: «Брак в мае считается несчастным, предвещающим горькую жизнь и скорую смерть... <...> У римлян неблагоприятными для брака месяцами считались те, в которых были крупные годовые праздники; май месяц считался особенно несчастным, потому что в половине его приходился праздник грозных ларов и лемуров[51]. Можно думать, что у славян несчастное значение мая приблизительно имеет такое же происхождение»[52].

Представления о неудачном для брака месяце мае, а также то, что у большинства славян доминировал взгляд на кукушку, с одной стороны, как на одинокую, лишенную всех своих родовых связей и оставшуюся без пары девицу (или женщину), а с другой — как на воплощение души умершего, — все это не позволяет видеть в ней символ любви и счастливого брака. Так что, логично и не без изящества заканчивает А. Н. Королькова свой эпизод добывания кольца из кукушкины слез — «обручальный перстень» доставлен, и царю он впору («как на заказ сделан»), но обручаться не с кем — красавица стрелецкая жена как была, так и осталась стрелецкой женой.

Рассмотренный эпизод сказки «Птица-орлица» А. Н. Королькова создавала, взяв за основу довольно архаичные общеславянские представления, не характерные для сказки, но относящиеся к сфере верований отчасти мифологических,

---

[51] В «Первобытной культуре» у Э. Б. Тайлора: «За 18 столетий до нашего времени Овидий упоминает о народном предубеждении римлян против браков в мае, которое он не без основания объясняет тем, что на этот месяц приходились погребальные обряды лемуралий: “Девы и вдовы равно избегают брачных союзов / Этой поры. В мае брак ранней смертью грозит. / Вот что известной тебе выражает народ поговоркой: / Только злую жену в мае бери за себя...”» (см.: *Тайлор Э. Б.* Первобытная культура. М., 1989. С. 66).

[52] *Сумцов Н. Ф.* Символика славянских обрядов. М., 1996. С. 57–58.

отчасти бытовых, и к обрядам весеннего календаря. Приходится признать, что аналогов разрабатываемой в эпизоде формы представлений о кукушкиных слезах в восточнославянском материале найти не удалось. В известных легендах и рассказах восточных славян о происхождении кукушки и ее слез наиболее близким оказывается мифологический мотив роняемых слез, из которых вырастают цветы (см.: происхождение анемонов из слез Артемиды, оплакивающей Адониса). Представления о растениях, выросших из слез кукушки или отмеченных следами ее слез, доминируют над представлениями о кукушке, плачущей «совсем по-человечески», *настоящими* слезами, и что эти слезы могут как-то использоваться человеком. В отличие от растений «кукушкины слезы/слезки», разнообразное применение подавляющего большинства которых (что в народной медицине, что в бытовой магии) не подлежит сомнению.

Тема наплаканных кукушкой слез, сливающихся в кольцо вокруг ветки, на сегодняшний день в восточнославянском материале отсутствует, но в материале южных славян, в частности, в сербских верованиях, встречается форма, которая вполне соотносима с этой темой. Очевидно, что ни разные жанровые формы изложения данного верования, ни временные позиции их фиксаций, ни принадлежность разным традициям не позволяют говорить о заимствовании или о каком-то обмене информацией. Остается предположить, что в данном случае имели место: а) сошедшее «на нет» бытование в русской традиции верования, аналогичного отмеченному сербскому; б) великолепное владение материалом самой А. Н. Корольковой вкупе с талантом сказочницы, творящей в рамках традиции, и легко и безошибочно предугадывающей работу верования в моделируемой ситуации.

При очевидных различиях в понимании того, что собой представляют кукушкины слезы, можно считать, что они фигурируют в определенном наборе общих контекстов; у восточных и южных славян означенные представления функционируют по-разному: для восточнославянской традиции (русской и белорусской) характерны жанры эпической прозы — этиологический рассказ или бытовой мифологический; для южнославянской — предания, лироэпические формы, бытовые верования, гадания.

Приложение

«... [Царский слуга, которому приказано во что бы то ни стало найти способ загубить Ивана, так ничего и не придумал.] Вот он и пошел в кабак, где голь кабацкая, пьяницы горькие. Сел там, выпил, закусил.

Один пьяница и говорит: “Эй, богатый мужичок, поднеси на пятачок, я тебе сгожусь”. Налил он за пятак, тот выпил за так и спрашивает: “Что ты такой печальный?” — “У одного жена красавица, да только взять нельзя, так царь сказал, чтоб я придумал, как его загубить, чтоб он на свете не мог жить. А не придумаю,

так его меч — моя голова с плеч". — "У, это пустое дело. Пошлите, чтобы он добыл *кукующих слез* царю на руку. *Когда кукушка кукует, они падают и скатываются. Из них будет* царю *колечко на руку*, чтоб он венчаться стал".

Слуга рассказал царю. Царь говорит наутро Ивану: "Отправляйся и найди кукующие слезы. А не найдешь: мой меч — твоя голова с плеч".

Иван идет домой, запечалился. Марьюшка спрашивает: "Ты что печалишься и мне грусть придаешь?" — "Меня царь посылает достать кукующих слез, а где я их возьму?" — "Это не беда, а полбеды".

Марьюшка постель постелила ему, он лег. Она открыла коробочку, достала клубочек. Наутро дает Ивану клубочек и говорит: "Вот тебе клубочек. Куда он покатится, туда и ты иди. А это тебе нитка *первоучена* (шила этой ниткой, когда начинала учиться рукодельничать), ты ее зажми, никому не давай. Где клубочек остановится, *там будет дерево, а на этом дереве, на ветке* (а на дереве ветка, она сухая), *кукушка кукует и по ветке слезы скатываются*. Ты этой ниточкой *перевяжи ветку около кукующих слез*".

Ну, Иванушка взял эту нитку. Она клубочек толкнула ногой, он и покатился. Шел Иванушка чистыми полями, бархатными лугами, темными лесами. Клубочек катился, катился и остановился.

Остановился, не дойти пяти шагов до березы, она вся сухая, ни цветочка, ни листочка — нет ничего. Он стал ходить и поглядывать, и *увидел кукующие слезы. Они катились и сделались кольцом*.

Он достал ниточку первоучену, обвязал, потянул: она, как отпиленная, покатилась. Он взял ветку в руки и приносит царю. Царь *надел кольцо, а оно как по руке сделано*, он рад, да ему не то нужно; у него колец всяких сколько хочешь, ему Марьюшку нужно...»

(Сказка А. Н. Корольковой «Птица-Орлица», зап. 1957 г., публ. — 1969. С. 120–122).

Литература

Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. В 3 т. Т. 3. М., 1994.

Виноградова Л. Н. Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М., 2000. (Традиционная духовная культура славян / Современные исследования).

Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.

Ђорђевић Т. Р. Природа у веровању и предању нашего народа. Књ. 2. Београд, 1958.

Зеленин Д. К. Великорусские сказки Вятской губ. Пг., 1915.

Зеленин Д. К. Великорусские сказки Пермской губ. СПб., 1997.

Карнаухова И. П. Сказки и предания Северного края. М.; Л.,1932 (М., 2006).

Кедрина Р. Е. Обряд «крещения» и «похорон кукушки» в связи с народным кумовством // Этнографическое Обозрение. 1912. № 1–2. С. 101–139.

Клингер В. Животные в античном и современном суеверии. Киев, 1911.

Колосова В. Б. Ятрышник // Антропологический форум (Исследования). № 6. СПб., 2007. С. 263–286.

Коновалова Н.И. Словарь народных названий растений Урала. Екатеринбург, 2000.
Левкиевская Е.Е. Славянский оберег. Семантика и структура. М., 2002.
Лобкова Г. Древности Псковской земли. Жатвенная обрядность: образы, ритуалы, художественная система. СПб., 2000.
Majewski E. Kukułka (Cuculus Canorus L.) w mowie, piesni i pojesiach ludu naszego // Wisła. T. 12. Z. 3. Warzsawa, 1898.
Маринов Д. Народна вяра и религиозни народни обичаи. СБНУ. Кн. 28. София, 1914.
Миладиновци бр. (Македонски песни). Зборник. 1861–1961. Скопје, 1962.
Мороз А.Б. «Боговы слезы» и «кукушкины слезки» // Живая Старина. № 1. 1997. С. 33.
Никитина А.В. Зачем крестить кукушку?.. К типологии обрядового атрибута // Русский Фольклор. Т. 34. Материалы и исследования. СПб., 2011. С. 159–208.
Потебня А.А. Символ и миф в народной культуре. М., 2007.
Представления восточных славян о нечистой силе и контактах с ней. Материалы полевой и архивной коллекции Л.М. Ивлевой / Сост., подгот. текстов и справ. аппарат В.Д. Кен. СПб., 2004.
Романов Е.Р. Белорусский сборник. Вып. 5. Витебск, 1887.
Русские народные сказки Карельского Поморья / Сост. А.П. Разумова, Т.И. Сенькина. Петрозаводск, 1974.
Русские народные сказки. Сказки, рассказанные воронежской сказочницей А.Н. Корольковой / Сост. и отв. ред. Э.В. Померанцева. М., 1969.
Самоделова Е.А. Орнитологические символы в свадебном обряде и поэзии (на материале Рязанской обл.) // Сб. мевуз. научн. трудов «Поэзия и обряд». М., 1989. С. 94–196.
Севернорусские сказки в записях А.И. Никифорова / Изд. подгот. В.Я. Пропп. М., Л., 1961.
Сербские народные песни и сказки из собрания Вука Стефановича Караджича. Перевод с серб.-хорв. / Сост., предисл. и примеч. Ю. Смирнова. М., 1987.
Сказки Ленских берегов / Сост. Е. Шастина. Иркутск, 1971.
Сказки Терского берега Белого моря / Изд. подгот. Д.М. Балашов. Л., 1970.
Славянские Древности: Этнолингвистический словарь в 5 т. / Под ред. Н.И. Толстого. М., т. 2 (1999); т. 3 (2006); т. 5 (2012).
Словарь русских народных говоров. Вып. 16. СПб., 2002.
Смирнов Ю.И. Эпика Полесья (по записям 1976 г.) // СБФ (Этногенетическая общность и типологические параллели). М., 1984. С. 179–216.
Смирнов Ю.И. Эпика Полесья (по записям 1977 г.). Ч. 1. // СБФ. М., 1986. С. 243–284.
Соколова В.К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов XIX — начала XX в. М., 1979.
Сумцов Н.Ф. Символика славянских обрядов. М., 1996.
Súpis slovenských rosprávok (collection de contes slovaques populares) / napisal dr. Jiři Polivka. Martin, 1923–1931. Sv. 4. Část 2. Legendy a legendárné rozprávky. 1930.
Тайлор Э.Б. Первобытная культура. М., 1989.
Традиционный фольклор Новгородской области. Серия Памятники русского фольклора. Сказки. Легенды. Предания. Былички. Заговоры. По записям 1963–1999 г. / Изд. подгот. М.Н. Власова, В.И. Жекулина. СПб., 2001.
Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край, снаряж. ИРГО / Собр. П.П. Чубинский. Т. 1–7. СПб., 1872–1878.

Фольклорные сокровища Московской земли: Сказки и несказочная проза / Отв. ред. В. М. Гацак. М., 1998.
Чурко Ю. М. Белорусский хореографический фольклор. Минск, 1990.
Шаповалова Г. Г. Майский цикл весенних обрядов // Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. Л., 1977. С. 104–111.

References

Afanasyev A. N. Poeticheskiye vozzreniya slavyan na prirodu. V 3 t. T. 3. M., 1994.
Dzhordzhevich T. R. Priroda u verovan'u i predan'u nashego naroda. Kn. 2. Beograd, 1958.
Gura A. V. Simvolika zhyvotnyh v slavyanskoy narodnoy tradicii. M., 1997.
Folklornye sokrovishcha Moskovskoy Zemli: Skazki i nieskazochnaya proza. / Otv. red. V. M. Gacak. M., 1998.
Karnauchova I. P. Skazki i predanya Severnogo kraya. M., 2006 (1932).
Kchurko Yu. M. Belorusskiy kchoreograficheskiy folklor. Minsk, 1990.
Kedrina R. E. Obryad «kreshcheniya» i «pochoron kukuzhki» v sviyazi s narodnym kumovstvom // Etnograficheskoye Obozrenye. 1912. № 1–2. S. 101–139.
Klinger V. Zhyvotnye v antichnom i sovremennom suyeverii. Kiyev, 1911.
Kolosova V. B. Yatryshnik // Antropologicheskiy forum (Issledovaniya). № 6. SPb., 2007. S. 263–286.
Konovalova N. I. Slovar' narodnych nazvaniy rasteniy Urala. Yekaterinburg, 2000.
Levkievskaya E. E. Slavyanskiy obereg. Semantika i struktura. M., 2002.
Lobkova G. Drevnosti Pskovskoy zemli. Zhatvennaya obryadnost': obrazy, ritualy, khudozhestvennaya sistema. — SPb, 2000.
Marinov D. Narodna vyara i religiozni narodni obichai. SBNU. Kn. 28. Sofiya, 1914.
Majewski E. Kukułka (Cuculus Canorus L.) w mowie, piesni i pojesiach ludu naszego. // Wisła. T. 12. Z. 3. Warzsawa, 1898.
Miladinovci br. (Makedonski pesni). Zbornik. 1861–1961. Skop'ye, 1962.
Moroz A. B. «Bogovy slezy» i «kukushkiny slezki» // Zhivaja Starina. № 1. 1997. S. 33.
Nikitina A. V. Zachem krestit' kukuszku?.. K tipologii obryadovogo atributa // Russkiy Folklor. T. 34. Materialy i issledovaniya. SPb., 2011. C. 159–208.
Potebnya A. A. Simvol i mif v narodnoy kul'ture. M., 2007.
Predstavleniya vostochnykh slavyan o nechistoy sile i kontaktakh s ney. Materialy polevoy i arkhivnoy kollektsii L. M. Ivlevoy. / Sost., podg. tekstov i sprav. apparat V. D. Ken. SPb., 2004.
Romanov E. R. Belorusskiy zbornik. Vyp. 5. Vitebsk, 1887.
Russkiye narodnye skazki Karel'skogo Pomorya / Sost. A. P. Razumova, T. I. Sen'kina. Petrozavodsk, 1974.
Russkiye narodnye skazki. Skazki, rasskazannye voronezhskoy skazochnitsey A. N. Korol'kovoy / Sost. i otv. red. E. V. Pomerantseva. M., 1969.
Samodelova E. A. Ornitilogicheskye simvoly v svadebnom obryade i poesii (na materiale Ryazanskoy obl.) // Zb. mezhvuz. nauchn. trudov «Poesiya i obryad». M., 1989. S. 94–196.
Serbskiye narodnye pesni i skazki iz sobraniya Vuka Stefanovicha Karadzhicha. Perevod s serbsko-khorv. / Sost., predisl. i primech. Yu. Smirnova. M., 1987.
Severnorusskye skazki v zapisyach A. I. Nikiforova / Izd. podgot. V. Ya. Propp. M., L., 1961.

Shapovalova G. G. Mayskiy cikl vesennych obryadov // Folklor i etnografiya. Svyazi folklora s drevnimi predstavleniyami i obryadami. L., 1977. S. 104–111.
Skazki Lenskikch beregov / Sost. E. Shastina. Irkutsk, 1971.
Skazki Terskogo berega Belogo morya / Izd. podgot. D. M. Balashov. L., 1970.
Slavyanskiye Drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar' v 5 t. / Pod red. N. I. Tolstogo. M., t. 2 (1999); t. 3 (2006); t. 5 (2012).
Slovar' russkikh narodnych govorov. Vyp. XVI. SPb., 2002.
Smirnov Yu. I. Epika Poles'ya (po zapisyam 1976 g.) // SBF (Etnogeneticheskaya obshchnost' i tipologicheskiye paralleli). M., 1984. S. 179–216.
Smirnov Yu. I. Epika Poles'ya (po zapisyam 1977 g.). Ch. 1. // SBF. M., 1986. S. 243–284.
Sokolova V. K. Vesenne-letniye kalendarnye obryady russkikch, ukraincev i belorusov XIX — nachala XX v. M., 1979.
Sumtsov N. F. Simvolika slavyanskikh obryadov. M., 1996.
Súpis slovenských rosprávok (collection de contes slovaques populares) / napisal dr. Jiři Polivka. Martin, 1923–1931. Sv. 4. Část 2. Legendy a legendárné rozprávky. 1930.
Taylor E. B. Pervobytnaya kul'tura. M., 1989.
Tradisionny folklor Novgorodskoy oblasti. Seriya Pametniki russkogo folklora. Skazki. Legendy. Predanya. Bylichki. Zagovory. Po zapisyam 1963–1999 г. / Izd. podgot. M. N. Vlasova, V. I. Zhekulina. SPb., 2001.
Trudy etnograficheskо-statisticheskoy ekspedicii v Zapadno-Russkiy kray, snaryazh. IRGO / Sobr. P. P. Kchubinsky. T. 1–7. SPb., 1872–1878.
Vinogradova L. N. Narodnaya demonologiya i mifo-ritual'naya traditsiya slavyan. M., 2000. (Traditsionnaya dukhovnaya kul'tura slavyan / Sovremennye issledovaniya).
Zelenin D. K. Velikorusskye skazki Vyatskoy gub. Pg., 1915.
Zelenin D. K. Velikorusskye skazki Permskoy gub. SPb., 1997.